

Я. Фогель

Леош Яначек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 78
ББК 85.31
Я11

Я. Фогель

Я11 Леош Яначек / Я. Фогель – М.: Книга по Требованию, 2014. – 334 с.

ISBN 978-5-458-30289-0

Книга о выдающемся чешском композиторе XX века, авторе многих музыкально-сценических, симфонических и камерных произведений, содержит ценный материал, раскрывающий жизнь и деятельность Яначека, его творчество в целом и отдельные сочинения. На русском языке издается впервые, по лицензии. Перевод с чешского Ю. А. Шкариной и Ю. И. Ритчика

ISBN 978-5-458-30289-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I

(1854—1903)

ДЕД

У северного предгорья Бескид, в прямоугольнике, образуемом на западе Пршибором, южнее — «моравским городом» Штрамберк с его белым доисторическим холмом — Котучем и с видимой издали «трубой» (круглой башней старого замка, где теперь находится наблюдательная вышка), на востоке — Фридлантом, немного севернее — Фридеком, с возвышающимся над ним и привлекающим паломников храмом Девы Марии и виднеющимся оттуда, овеянным сказаниями Радгоштем¹, — там, у живописных развалин когда-то самого большого моравского замка, лежит небольшая деревушка Гуквальды, называемая на диалекте коренных лашских жителей Уквалы. Чешское название (и немецкое — Hochwald) она получила по имени своего основателя или, по крайней мере, по имени первого известного владельца замка, графа Арнольда де Гукесваге (Huchswag, Hohenswag), приводимому в официальных документах еще до 1234 года. Его сын Франк де Гукесваге продал тогда все свои владения — от Одры на севере и на западе до самой Остравы на востоке и юге — оломоуцкому епископу Бруну из Шаумбурка, известному главному советчику незадачливого короля Пршемысла Отакара II, но остался там и служил ленником епископа, получив задание колонизировать этот девственный край. (Вероятно, в связи с упомянутым Франком появляется дальше на юг город Френштат — по-немецки Франкштадт.) Однако с 1311 года гуквальдские владения переходят из рук в руки (также и в руки венгерского короля Зикмунда). Среди имен владельцев этого важного бастиона, «Моравских ворот», владеющих также путем в Венгрию, мы находим и гуситского гетмана Яна Чапека из Сан и Яна Талафуса из Острова (сообщника Яна Йискры из Брандиса), называемого хозяином Гуквальд. Лишь через 270 лет в 1581 году епископ Станислав Павловский снова выкупил все эти земли для оломоуцкого капитула, во владении и управлении которого они оставались вплоть до недавнего времени. Во второй четверти XVII столетия замок осаждали турки и шведы, а в 1680 году — венгерские повстанцы под предводительством Тёкёли, опустошившие край до самого

Фридека. Но крепость, перестроенная еще князем — архиепископом Карлом из Лихтенштейна, устояла перед их натиском, как и перед гуситами.

Хуже всего там жилось подданным — простому народу, лишенному какой-либо власти. Народ грабили не только пришельцы, безуспешно осаждавшие замок, сразу же после их ухода из него снова выжимали все силы собственные феодалы. Так, в том же 1695 году, когда восстали ходы², вспыхивают в гуквальдских владениях крестьянские бунты из-за слишком обременительных налогов и барщины. Тщетно требуют крепостные крестьяне у старого уже архиепископа князя Лихтенштейна снизить налоги. В ответ на это господские служители, особенно гуквальдский гетман Максимилиан Гарасовский, обходятся с ними еще более жестоко. «Когда их страдания достигли предела, восстали мужчины из тридцати деревень во всех владениях и 1500 крестьян собрались 26 июня 1695 года недалеко от Копршивнице. Для полюбовного разрешения спора в дело вмешался сам гетман этого края из Пршерова, граф из Оппердорфа. В конце концов Гарасовский бунт подавил и несколько крестьян приказал посадить в тюрьму, однако жизнь народа оставалась столь же тяжелой».

Правда, 5 октября 1762 года величественный замок, служивший тогда также и тюрьмой для провинившихся священников, почти полностью сгорел; к сожалению, пришел в негодность и архив с редчайшими историческими документами. В 1820 году вспыхнул новый пожар; после него замок уже не восстанавливался, и в дальнейшем там сохранялся лишь ценный заповедник — холм, на нем стоял замок, покрытый раскидистыми буками и липами и до сего времени являющийся приютом для ланей (когда-то подаренных императором), прежде там водились и табуны андалузских жеребцов.

В настоящее время этот замок так же мало напоминает горделивое старое поместье чужеземцев, как и находящийся напротив него Казничов (от старославянского и русского «казнить»), когда-то бывший будто бы местом казни.

Главная достопримечательность поселения, заложенного в начале XVIII века на сравнительно невысоком месте перед входом в заповедник, — это летний дворец, который приказал построить — как раз в тот год, когда родился Яначек, — оломоуцкий архиепископ Бедржих Фюрштенберг; дальше, на противоположной стороне шоссе стоит

небольшой костел святого Максимилиана, относящийся к 1759 году, и наконец (еще немного повыше) — простенькая сельская школа.

В этой школе, в комнате, из одного окна которой виднелся костел, а из другого — пивоваренный завод, как рассказывает сам композитор, — 3 июня 1854 года родился и на день позже — 4 июня, день, который иногда ошибочно считается днем его рождения, был крещен и назван именем Лео Эуген Леош Яначек, девятый (и при этом не последний!) ребенок бедного сельского учителя и регента. Предки с отцовской стороны жили сначала в Тешинском крае, а позднее — с конца XVII века — во Фридеке и были суконщиками. Первым музыкантом, а тем самым и основоположником музыкантской традиции Яначек был дед Леоша Йиржи.

ОТЕЦ

Сына, который унаследовал от него не только профессию, но и имя Йиржи, Яначек-дед учил сначала сам игре на фортепиано и на органе, а также пению, но, не обладая для этого достаточным терпением, послал его еще до поступления в школу в Велки Петршвальд к строгому ректору Йозефу Рихтеру. После трехмесячной учительской подготовки в главной (церковной) школе в Пришиборе Йиржи-младший уже в возрасте 16 лет начал работать в качестве младшего учителя с августа 1831 года в Неплаховицах (между Опавой и Крновом). Там к Й. Яначеку привязался маленький сирота Павел Кршижковский, мать которого просила его, чтобы он учил мальчика музыке и пению, что он и сделал, а потом устроил его в церковь Святого духа в Опаве, помог получить там место певчего. Так он заложил основы для будущего положения П. Кршижковского как композитора, за что тот впоследствии отблагодарил его в Брно, взяв в ученики его сына Леоша. Кршижковский, будущий основоположник хоровой музыки в Моравии, учился тогда последний год в школе в Неплаховицах, поскольку там, где он родился (в соседних Голасовицах), тогда еще не было школы.

Через полтора года Йиржи Яначек из Неплаховиц переехал в Катержинки около Опавы, получив там место младшего учителя, где совершенствовался в музыке, пел в церковном хоре и т. д. Еще через два года, в феврале

1835 года, он переезжает в Пршибор, где становится также вторым, а через неполных три года — первым городским кантором. Будучи уже прилично обеспеченным, он вскоре после этого женился — 24 июля 1838 года — на девятнадцатилетней Амалии Грулиховой, происходившей из старого рода горожан Пршибора. Однако в течение десяти последующих лет Йиржи все еще оставался младшим учителем, поэтому неудивительно, что летом 1848 года, незадолго до смерти своего отца, он воспользовался тем, что освободилось «настоящее» учительское место в неподалеку расположенных Гуквальдах, чтобы сменить город, стоявший на реке Лубине, на живописное селение около замка, раскинувшееся на берегу Ондřejнице.

В таких условиях жизни у Яначек между тем почти что через каждые два года появлялся один ребенок за другим. Уже из Пршибора они привезли пятерых детей: дочерей — Викторию (родившуюся в 1838 году), Элеонору (в 1840 году) и Йозефу (в 1842 году) и сыновей — Карела (родившегося в 1844 году) и Бедржиха (в 1846 году). После них в Гуквальдах в 1849 году появились близнецы, один из которых, правда, родился мертвым, а другой — Франтишек — умер через два месяца после рождения; затем появились Розалия (1850), Йиржи (1852), Лео Эуген (3/VII — 1854) и его младшие «русские» братья — Франтишек (1856) и Йозеф (1858).

Маленький Леош был похож на обоих родителей: (черные волосы — от отца, миниатюрная фигура — от матери), жизнь его не была устлана розами; нет сомнения, что Яначек не преувеличивает, когда говорит, что «музыка и пчелы были единственной радостью руководителя гуквальдской школы...» Хотя Яначеку-отцу хватало забот и дома, он не стремился облегчить себе работу в школе. Напротив, в значительной степени расширил, например, учебный материал, кроме обязательных предметов ввел рисование, пение и географию; он, будучи ярким патриотом, как и его отец (что на службе у немецких властей не было особенно принято), основал в Гуквальдах за год до своей смерти (то есть в начале 1865 года) певческо-читательское общество, которое по своей двойной направленности — образовательной с помощью книг и музыкальной с помощью пения — превращалось, собственно, в организацию, преследующую единую цель — национально-«будительскую»³. Он сам был первым хормейстером этого общества.

Как руководитель церковного хора Яначек-отец, разу-

меется, не мог в полной мере проявить себя в Гуквальдах, поскольку для какой-либо торжественной литургической мессы с инструментальным сопровождением клирос местного костела был слишком тесен. Поэтому он искал и вначале нередко находил взамен его другой клирос, более богатого «нижнего», то есть рихальтицкого прихода, к которому относились Гуквальды и с главой которого Глачиком его также связывало, кроме общих музыкальных интересов, увлечение пчеловодством. Пан учитель старался придать блеск своим выступлениям, приводя с собой дочку (Леонору?), игравшую на альте, и сына, обладавшего красивым дискантом. Этим маленьким певцом был не кто иной, как юный Леош Яначек.

СЫН УЧИТЕЛЯ

Леош рос в общении с музыкой, природой и бедностью. Правда, об этом последнем обстоятельстве, сопутствовавшем его детству, нужно добавить, что для детей в доме все же были фрукты и овощи из школьного сада, домашняя птица и «урожай» с отцовской пасеки, а для самого отца даже пиво! — К тому же пан учитель мог как скрипач иногда подработать также и игрой на танцах. Воспоминания Яначека о детстве, проведенном в Гуквальдах, очень скупы: там он пробыл до одиннадцати лет, не закончил даже начальной школы, в которой, впрочем, по успеваемости среди своих братьев и сестер был лишь на седьмом месте. В кратком описании своей жизни он в семьдесят лет вспоминал двор с утками и хлев с коровой, ткацкий станок у сестры Викины (Виктории), о том, как ходили к заутрене со «столбиком» (воска) в руке, о храмовом празднике в костеле святого Ондржея в замке, о «катании на санках» по разогретой железной крыше с «демонстрацией» штанов еще «в горячем состоянии», о кусающихся муравьях в лесу, о «чужих противных людях» — кричащей и всегда крутящейся у входа в замок толпе.

Но в его памяти сохранились и воспоминания, связанные с музыкой, прежде всего, разумеется, воспоминания о торжественных мессах в Рихалтицах и о не менее торжественных обедах в трапезной местного костела. (Они снились ему еще во время учения в Лейпциге.) К сожалению, дружба уважаемых руководителей хоров неожиданно оборвалась: однажды в солнечный воскресный день у Яна-

чеков в саду (это случилось как раз во время «катания на санках» по крыше — может, именно поэтому и кончилось все так печально...), и настал конец всему и рихтарскому клиросу. «А сколько там было широких пультов, позолоченный орган, а в нем полно „трубочек“ по обеим сторонам мануала, и сзади, совсем рядом с окном два подобные кадкам барабана — литавры».

Ссора отцов сказала и на детях: чтобы на пасху торжественная месса не исполнялась без литавр, несколько гуквальдских мальчишек, среди которых был и маленький Леош, отправились с наступлением темноты в Рихалтицы «одолжить» литавры. Они благополучно дотащили литавры до холма в Гуквальды, но с каким непониманием встретили их отцы! Палочки вместо литавр «танцевали» по спине Леоша. Правда, увлечение литаврами, как добавляет Яначек, у него из-за этого не прошло. «В каждом моем сочинении литавры получают особое соло».

Этот «разбойничий» ночной налет, совершенный вблизи кладбища, — одно из самых романтических впечатлений Леоша о детских годах, лишенных в остальном какой-либо романтики. Ведь и развалины замка должны были тогда напоминать жителям Гуквальда скорее притеснения хозяев, чем блеск и славу рыцарей.

МОНАСТЫРСКИЙ ПЕВЧИЙ

Летом 1865 года хорошие певческие данные впервые приводят одиннадцатилетнего Леоша Яначека к большим изменениям в жизни: отец принимает решение поместить его как певчего в архиепископскую хоровую школу в Кромнержиже или на казенное содержание в августинский Королевский монастырь в Старом Брно. «Теперь мне представляется, как я, собственно, вырос», — рассказывал об этом Яначек в 1926 году при открытии мемориальной доски на «родной» школе у Гуквальдах. «Этот гуквальдский ребенок не хотел торчать дома, только бы вылететь оттуда, как птица, еще не оперившийся птенец, которому только бы выпорхнуть из гнезда в большой мир и учиться. Я вспоминаю своего отца, когда я в Гуквальдах собирал ему по несколько крейцеров за службу, и все-таки он меня отпустил в этот большой мир. Я вспоминаю о нем с благодарностью». Прием в Кромнержиже могло облегчить то,

что Йиржи Яначек был там регентом при покровительстве архиепископа, прием в Брно — то, что с 1848 года руководителем хора монастырской музыкальной школы был Павел Кршижковский, о котором когда-то Яначек-отец так по-отцовски позаботился и мог ожидать, что он тоже позаботится о его Леоше и будет для него самым лучшим учителем. Ведь Кршижковский тогда уже считался известным композитором, автором вокальных произведений, это было уже после его триумфа в Праге в 1862 году, где исполнялся его мужской хор «Утопленница» и другие сочинения, после успеха в Брно, где к тысячелетию прихода славянских вероучителей Кирилла и Мефодия в 1863 году он исполнил (в присутствии вождей народа — Палацкого, Ригера, Пуркине и др.) свою кантату, написанную в их честь. Поскольку Кршижковский тогда как раз находился на лечении в Шкроховицах около Опавы, Яначек-отец не должен был возить далеко маленького обладателя дисканта для прослушивания. Результатом этой поездки и дальнейших, уже, собственно, излишних, но также успешных экзаменов в Кромнержиже явилось то, что в сентябре 1865 года Леош был принят в хоровую школу при Старобрненском Королевском монастыре.

Такое решение еще не означало, что Яначек должен посвятить себя музыке, подобный путь мог привести и к тому, чтобы он стал, а это нередко и случалось, в конце концов, как его отец, учителем⁴. Однако нет сомнения, что поступление в хоровую школу явилось причиной все увеличивающегося преобладания музыки над всем остальным и тем самым подготовило решение посвятить себя ей целиком. Так благородный Кршижковский отблагодарил отца Леоша за его благородство, проявленное когда-то по отношению к нему, даже еще в большей степени, чем, наверное, сознавал сам.

Это вовсе не означает, что Брно стал для мальчика каким-то раем. Уже по приезде все стало ясно: «От страха мы с матерью ночуем в какой-то темной каморке на Капуцинской площади. Я смотрю во все глаза. Только начнет светать, сразу на улицу!

На площади Королевского монастыря мать уходит от меня тяжелым шагом. Я в слезах, она тоже.

Мы одни. Чужие люди, бессердечные, чужая школа, жесткая постель, сухой хлеб. Никакой ласки...

Мой мир, только мой, создавался во мне».

Когда его одели в голубую с синим, обшитую белым

форму певчих, за которую в Брно их дразнили «голубочки» (в торжественных случаях их одевали даже и в длинные красные облачения с широким, золотом отделанным воротником), мало что изменилось. Правда, необходимо подчеркнуть, что хоровая школа не отличалась каким-либо внешним блеском. Она была основана в 1648 году согласно завещанию графини Сибилы Поликсены из Монтани, урожденной Турновой-Валлесесеиновой. Целью этой школы было предоставлять содержание, давать образование, «вести к добродетелям в музыке, в развитии и науках» ограниченному числу бедных детей (примерно так, как в итальянских консерваториях, название которых означало, вероятно, не заведение, в котором должно было быть «консервировано» искусство, а сиротский приют). Об условиях для учеников хоровой школы Яначек говорит: «Мы были благодарны основательницам (вернее — основательнице, Яначек считал, что Сибилла Поликсена — две сестры!) и выражали это при пении *Salve* и торжественной литании». Ученики должны были быть безукоризненных нравов, от шести до тринадцати учеников получали бесплатное жилье, свет, питание, медицинское обслуживание. За 100 флоринов в год принимали и сверх этого числа. Согласно письменным документам 20-х годов Яначек сообщает следующие подробности: «голубочки» были известны всему Брно. Их «гармония» приветствовала концертами министров (графа Коловрата) и других вельмож (графа Жеротина).

Губернские и апелляционные советники приглашали их для исполнения «ноктюрнов» («ночной музыки») на музыкально-литературные вечера. Они помогали в театре как в оркестре и у дирижерского пульта, так и на сцене. И провожали высокоблагородных покойников в траурных шествиях. Ни один церковный хор не обходился без их помощи. Для поступления туда требовалось немало. Так, например, Гофман из Злина умел играть на трубе, флейте, скрипке, альте и органе. Матоуш Давид из Скалице у Червеного Костельца умел играть на валторне, трубе, альте, флейте, органе и контрафаготе.

В школу принимали детей в возрасте от девяти до двенадцати лет. (Бывали и исключения: как раз П. Кршижковский, например, как предполагает исследователь творчества Яначека А. Вашек, был принят в 1843 году, следовательно, уже после окончания восьмого класса гимназии.) Существовал ученический оркестр следующего состава: 2 гобоя, 2 кларнета, 2 валторны, 2 трубы (для вы-

соких регистров), 2 фагота и контрафагот. Были в оркестре и флейты, тромбоны и литавры. Насчитывалось шесть скрипачей. При праздновании именин второго руководителя хоровой школы, аббата и прелата Кирилла Франтишека Наппа, оркестр, состоявший из семидесяти юных музыкантов, исполнял симфонию Бетховена C-dur. Из композиторов особенно любили Моцарта, Керубини, Россини и Гайдна.

Способности «голубков» были поразительны. Согласно записи, самая крупная месса в мире, Коронационная месса Керубини, была разучена с 19 по 24 сентября 1827 года. В 1828 году исполнялись месса Бетховена, его симфония Es-dur, увертюра «Кориолан». Увертюру к опере «Оберон» Вебера и квинтет Моцарта они играли с листа. Оперы Моцарта («Дон Жуан»), Обера («Немая из Портичи» и «Фра-Дьяволо»), Мегюля («Иосиф») были в программе в 1830 году. Один из «голубочков» пел партию в «Волшебной флейте» Моцарта.

Для всего этого была необходима серьезная музыкальная подготовка. Ученики школы изо дня в день упражнялись каждый в отдельности как в пении, так и в игре на различных инструментах, а также и на фортепиано; они играли квартеты и различные ансамбли. Генерал-бас (гармонию) вел профессор Богумир Ригер, контрапункт — Новотный, скрипку — Барох фон Инфельд, валторну — Кубичек, фортепиано — Гофман. А духовые инструменты они передавали друг другу; здесь была старая традиция.

Тогдашние профессора учили за 30 крейцеров в час, «голубочки» играли и на великосветских балах и ежедневно входили в монастырскую трапезную, когда уже подавали жаркое. Они ежедневно играли во время трапезы, а каждое воскресенье — инструментальную музыку во славу божью. Чего только они не играли! Мы еще больше поразимся, когда узнаем, что все «голубочки» были слушателями курсов философии, логики или учениками гуманитарных классов, грамматических или обычных классов, и во всем нужно было успевать.

Философ и кларнетист из гуманитарного класса и гобоист из обычного (класса) и контрафаготист — Новотный и Освальд в 30-е годы сочинили также немало опер.

Бесчисленное множество «голубков» разлетелось по всему свету: Палечек, всемирно известный певец-бас, работал с фаготистом и композитором Г. Воячком в Петер-

бурге; тénора Лукеша с благодарностью вспоминают в Праге.

Активная деятельность «голубков» явилась предпосылкой для появления таких скрипачей, как Эрнет и Янда⁵, а в 40-е годы — квартета Нерудовых: Норманова-Нерудова, входившая в число музыкантов-виртуозов при английском дворе; Арльбергова-Нерудова, скрипачка; Виккенхаузерова-Нерудова, пианистка; сын Неруда, известный виолончелист.

Это учебное заведение было своего рода консерваторией, школой музыки в настоящем смысле слова, как добавляет Яначек, подчеркивая при этом, что, когда из явного «ответвления» школы — Брненской органной школы, основанной в 1881 году, образовалась в 1919 году Брненская консерватория, — это было лишь завершающим этапом непрерывного развития. Едва ли мог одиннадцатилетний Яначек попасть в более благоприятную обстановку для развития своих способностей в области музыки, тем более что ее большим почитателем был и сам прелат монастыря Кирилл Напп, который вместе с Кршижковским участвовал в квартете графа Михала Буковки. И в других областях было немало плодотворных импульсов и возможностей приобрести опыт: «Я видел, как чисто переписывались партитуры симфоний Гайдна, я пел соло наряду с барышней Гржималовой во второй мессе Бетховена, я аккомпанировал барышне из Эренбергов⁶ на концерте в Лужанецком зале, а было мне тогда одиннадцать лет. Мы, мальчики, пели на сцене Брненского театра в опере Мейербера „Пророк“»⁷.

Разумеется, эти многочисленные «плюсы» обходились Яначеку весьма дорого, если учесть суровые требования, которые предъявлялись к ученикам хоровой школы. Достаточно привести ежедневное расписание: подъем — в 5 часов утра, до без четверти 7 — молитва и занятия, в 7 часов — месса с пением, затем ученики завтракали и все вместе шли в школу (первый год Яначек заканчивал начальную школу, следующие три года посещал низшую ступень реального училища, которое позднее приравнивали к городскому училищу). В 12 часов — обед, прогулка и занятия, с 6 до 7 часов — репетиция хора (в воскресенье с 11-ти до 12-ти), в 7 часов — ужин, немного свободного времени и молитва перед сном. При этом, хотя монастырь и предоставлял своим воспитанникам крышу и самое необходимое питание, расходы на обучение в школе, книги,